

Хотя хаос, царивший в сознании Гарри при беглом взгляде на него, сохранялся, постепенно он начал ослабевать. Миры перестали быть чётко очерченными, слившись в один. Часть горы раскололась, прочно войдя в изголодавшееся по воде царство душ. Над головой бушевали штормовые небеса и дул ветер, и только природа и возраст Алистера позволяли ему с лёгкостью преодолевать эти экстремальные условия.

В сознании Гарри каждое воспоминание, показанное в кинематографической, неинтерактивной манере, становилось реальным. Всё было настолько ярким, что казалось, будто Алистер исследует часть их мира, а не область сознания. Его рука касалась реалистичной пересохшей земли, ощущала запах и вкус гнили, в то время как мир, разрушающийся до неузнаваемости, находился в стазисе.

Но здесь не было душ, их заменяли воспоминания. Им некуда было деться, они бешено носились вокруг, не разделяя добро и зло. Не имея понятия о времени, пока они здесь, где-то должно быть начало.

Внезапно ветер изменил направление, с силой сметая воспоминания, кроме одного, застрявшего под обломками. Подойдя к воспоминанию, Алистер присел, смахнув обломки. Вместе с ним промелькнуло и его содержимое. Задаваясь вопросом, случайно или намеренно оно сохранилось, он достаточно хорошо знал разум, чтобы понять, что из всех освобожденных воспоминаний наиболее значимые будут ключевыми моментами в жизни Гарри, которые сформировали его таким, каким он был сейчас.

Зная о прошлом Гарри достаточно, чтобы понять, что он там найдет, Алистер приготовился. Хотя ему не хотелось видеть его страдания, знать и принимать их было лучше, чем игнорировать и оставаться в неведении. Так он сможет помочь. С этими мыслями он прикоснулся к памяти, и его окружение изменилось.

Оглядевшись по сторонам, Алистер первым делом подумал, что это дом, а не жилище. Он выглядел неестественно чистым и в то же время холодным. Судя по описанию Гарри, это была резиденция Дурслей.

Хотя он видел только ванную, это был шкаф под лестницей. Не осознавая его значения, он наблюдал и ждал, стараясь замаскироваться с помощью магии на случай, если воспоминания окажутся такими же яркими, как и наяву.

Алистер принял решение как раз вовремя: дверь в конце подъезда с грохотом распахнулась. В нее ворвался Вернон Дурсли, полная противоположность своей жене. Цвет его лица был пурпурным, глаза-бусинки сузились, и он подхватил Гарри под руку.

На вид ему было не больше пяти лет, одежда не годилась для мытья полов, а на носу красовались заклеенные очки. Вернон потрянул его за кожу, покрытую грязью, и, хотя это, должно быть, подергало его за плечо, он ничего не сказал.

В ярости по лицу мальчика посыпалась слюна. "МАЛЬЧИК! ЧТО Я ТЕБЕ ГОВОРИЛ? В ЭТОМ ДОМЕ НИКАКИХ УРОДСТВ!"

Несмотря на видимый ужас, тон Гарри был спокойно-кротким. "Я не хотел дядю, просто так получилось..."

ШЛЕП!

Свободной рукой Вернон размахнулся и сильно ударил Гарри по лицу, полностью сбив с него очки.

С усмешкой Вернон раздавил их под ногами, смеясь над болезненным криком Гарри. "Ты должен был умереть вместе со своими никчемными родителями, в аду, где им самое место!"

Открыв дверцу шкафа, он бросил Гарри внутрь, закрыл её и запер на ключ. "Не вздумай даже на минуту покидать этот шкаф со своими странными способностями. Или ты пожалеешь о том дне, когда родился".

С этим предупреждением Вернон вышел из дома, а через несколько мгновений за ним последовали Петунья и Дадли.

Не зная до конца, какова природа этого воспоминания и не переросло ли оно во что-то большее, Алистеру потребовалось все силы, чтобы не вмешаться. Он прекрасно понимал, что, если сильно вмешиваться в воспоминания, это может повредить носителю. Что бы он ни делал здесь, все должно быть очень осторожно.

Подойдя к дверце шкафа, он прикоснулся к ней, ощутив под ладонью твердое дерево. Хотя ключ был у Вернона, Алистер владел магией, и через мгновение дверь открылась. Гарри снова оказался перед ним спиной, и его сердце на мгновение замерло от тихого сопения. При ближайшем рассмотрении, к его тревоге, на коже оказалась не грязь, а синяки.

Постельное белье нельзя было назвать таковым: нитяной, испачканный матрас, плоская

подушка и крысиное покрывало. Как они могли так поступить с ребенком? Он не мог даже помыслить об их жестокости, но сдерживал свой гнев, крепко запирая и закапывая его подальше.

Его ядро дико колебалось, пытаясь залечить нанесенный ущерб. Он был болен, не только от синяков. Неизвестно, чем именно, но отчасти именно поэтому ядро Гарри было таким большим для его возраста.

Изменив магию вокруг него так, чтобы его можно было видеть, Алистер сделал его черты видимыми, но неразличимыми. Он не мог представлять здесь ничего конкретного, скорее дух или другое существо. Никаких связей между тем, что было тогда и сейчас, быть не должно.

Стоя на коленях на полу, Алистер сохранял спокойный и мягкий голос. Хотя он не был уверен, что люди могут взаимодействовать, он попытался. "Гарри?"

Затаившись в шкафу, Алистер не заметил его сильного вздрагивания. Однако, когда он перевернулся, чтобы посмотреть ему в лицо, в его глазах зажглась надежда. То, что слетело с его губ, было совсем не тем, чего ожидал Алистер.

"Ты Ангел?" - спросил он с нетерпением.

На мгновение Алистер растерялся, не зная, как лучше ответить.

В конце концов он решил задать свой собственный вопрос. "Что заставляет тебя так думать?"

Хрипя от усилий, он попытался сесть, но в итоге так и остался лежать на полу.

Призрачные глаза поймали его взгляд, в котором осталось лишь невинное мерцание. "Ангелы приходят, когда приходит время уходить". Он наклонил голову к потолку, чтобы подчеркнуть свою мысль.

Неужели Гарри думал, что умрет? Он мог бы проклинать тех, кто причинил ему зло, бесконечное количество раз.

Алистер покачал головой. "Я не Ангел".

"О, - ответил он, на мгновение опечалившись. Но затем его глаза загорелись, делая предложение. "Ты убьешь меня?"

Алистер застыл, расширив глаза. Увидев его выражение, Гарри пояснил. "Я смогу снова увидеть маму и папу. Дядя Вернон, тетя Туния и Дадди не хотят меня видеть, но, может быть, они хотят".

Алистер был потрясен его ответом, но ему стоило больших усилий не показать этого. "Я не буду этого делать".

Он побежденно опустил голову, и в его глазах заблестели непролитые слезы. "Почему? Никто не будет скучать по мне".

"А я бы скучал".

подумал Алистер, изо всех сил стараясь помочь, но не находя нужных слов.

"Ты еще молод. Тебе еще многое предстоит увидеть, встретить больше людей, и многие из них полюбят тебя. Все будет лучше, это я обещаю".

Алистер протянул мизинец. Наклонив голову в ответ, Гарри осторожно обхватил его своим.

Скрепив обещание, Гарри поднял на него глаза. Увидев в его глазах теплоту, которой никогда не было у Дурслей, он почувствовал, что слёзы вот-вот хлынут, и яростно смахнул их.

Медленно и осторожно, чтобы не испугать Гарри, рука Алистера коснулась его макушки, кончиками пальцев нежно проведя по спутанным прядям.

"Эмоции - это то, что делает нас людьми. Если тебе захочется поплакать, пожалуйста, не сдерживайся", - мягко успокаивал Алистер.

Гарри яростно замотал головой, собираясь уцепиться за руку, чтобы сосредоточиться на чем-то другом, но другая рука Алистера преградила ему путь.

"Уроды не могут плакать. Дядя так сказал".

"Я тебе не дядя, так что ты можешь делать это со мной".

Гарри снова поднял голову и, увидев, что выражение лица Алистера не изменилось, тяжело сглотнул.

"Хорошо", - слабо прошептал он, сухие рыдания сотрясали его тело, пока он пытался свернуться в клубок.

Применив тот же подход, что и раньше, Гарри смог увидеть его действия. Он напрягся, зажмурил глаза, ожидая боли, которая так и не пришла.

Когда он оказался в объятиях Алистера, его охватило всепоглощающее тепло, и он мягко покачивался.

Алистера не волновали ни грязь на его одежде, ни запах, окружавший их, - важно было лишь хоть немного облегчить боль Гарри.

Помня о синяках, он не надавливал, не желая ненароком причинить ему боль. Гарри и Соломон уже давно не испытывали никаких эмоций, кроме оцепенения, и его безупречное спокойствие по отношению ко всем внешним проявлениям дало трещину.

Он заботился о них обоих. Любая их боль была для него болезненной, даже если эта версия Гарри воспринимала его как чужака.

Потребовалось некоторое время, чтобы он хоть немного расслабился, но в конце концов маленькие ручки обхватили шею Алистера, а крики стали приглушенными.

По опыту он знал, что сдерживать эмоции нехорошо. У него всегда был союзник в лице брата, но так долго у Гарри не было никого.

Постепенно расслабившись, Гарри крепче прижался к нему, впитывая любовь и тепло, которых он был лишен большую часть своей жизни.

"Ты очень добр ко мне, так что, наверное, ты Ангел и ещё не знаешь об этом", - настаивал он, изучая его сквозь красные оболочки глаз.

Странность того, что его ассоциируют с Ангелами, когда он не является светлым существом, не покидала его, но если это то, что видит Гарри, он примет это всей душой.

По тому, как замедлилось сердцебиение, до этого вызывавшее панику, до нормального ритма, Алистер почувствовал, что Гарри близок к дремоте.

По какой-то прихоти его мягкий голос зазвучал в шкафу. Одна из его композиций и основная мелодия напомнили ему, что он сам давно не пел. Это было приятно, и, возможно, в будущем он будет стараться делать это чаще.

"Красивый голос..." пробормотал Гарри, убаюкивая себя сном и не замечая тихого хихиканья Алистера в ответ.

Осторожно уложив его, Алистер почувствовал боль от того, что не сделал для него больше, но не стал бы рисковать тем, что его семья, если она еще сохранилась после отъезда, поверит в то, что он использовал магию для улучшения своего окружения.

Неизвестно, вспомнит ли Гарри это событие, но оно никак не будет связано с ним, так как его голос, замаскированный, оставался таким же неуловимым.

Он не хотел рисковать. Лучшее, что он мог сделать, - помочь нынешнему Гарри исцелиться, а для этого тонко сгладить неровности.

Закончив на этом, Алистер погрузился в другое воспоминание.

На этот раз он оказался снаружи, и границы этого воспоминания расширились, когда мимо него пронёсся постаревший Гарри.

Один из высоких и грубых мальчишек шел по пятам, остальные отстали, когда Алистер заметил Дадли Дурслей.

Он вспомнил разговоры с Гарри об "игре", в которую когда-то играли его кузен и друзья, и заподозрил, что это она и есть. Улицы, как и внутреннее убранство дома, не отличались индивидуальностью, все выглядело шаблонно, вплоть до аккуратно подстриженных садов.

В одном из парков Пирс, так, по мнению Алистера, его звали, подобрал камень и с точностью до секунды метнул его в затылок Гарри.

Попадания оказалось достаточно, чтобы он упал, дезориентированный. Этого было достаточно, и Дадли подбежал к нему, согнувшись вдвое и хрипло дыша.

Повернувшись к нему лицом с пола, Гарри изобразил на лице забавную ухмылку. Его изумрудные глаза стали холоднее и измученнее, чем несколько лет назад.

"Осторожно, Даддикинс, ты же не хочешь довести себя до сердечного приступа. Может быть, я могу его тебе устроить".

Он пошевелил пальцами, как будто собирался колдовать. Пока остальные странно смотрели на него, Дадли побледнел и заикался.

"Ф-фрик! Я скажу папе!"

"Беги, толстяк, беги!" воскликнул Гарри, ухмыляясь.

Хотя он и не был задирой, но знал, как залезть под чужую кожу. Если Дадли настаивал на том, чтобы вести себя с ним ужасно, он мог ответить ему в десятикратном размере. Даже если он получит сильный удар в живот от оскорбленного мальчика, это будет стоить того.

Если раньше Алистер не вмешивался, то теперь обязательно вмешается. Прохожий, открыто помогающий ребенку, не выглядел бы странно, как человек, внезапно появившийся в доме.

Шаги были настолько тихими, что Северус Снейп не смог бы устыдиться, и Алистер бодро заговорил с ними сзади. "Какие-то проблемы?"

Несмотря на тон, он выпустил в воздух небольшую толику своей ауры, и они тут же отступили

назад.

Дадли некоторое время смотрел на него. Не увидев ничего особенно выделяющегося, он пожал плечами. "Нет проблем. Пойдемте".

Уйдя вслед за друзьями, он оставил Гарри и Алистера наедине.

Протянув Гарри руку помощи, Алистер с подозрением посмотрел на него. Не увидев лжи, а только открытость, Гарри осторожно взял ее.

Подтянувшись, Алистер высвободил руку и без слов протянул ему носовой платок из кармана рубашки.

Почувствовав пульсирующую боль, Гарри потрогал затылок и поморщился от следов крови. Взяв платок, он прижал его к ране.

"Спасибо, - пробормотал он, неловко отводя глаза.

В воздухе воцарилось молчание, пока Гарри не посмотрел на него настороженно. "Что тебе от меня нужно? Иначе ты бы не помог".

Хотя Алистер и заглядывал в прошлое Гарри, другой пример был для него показателен. Это была часть сегодняшнего Гарри, с маской, которую он все еще носит.

"Я ничего от тебя не требую", - искренне сказал ему Алистер.

При этих словах Алистер недоверчиво фыркнул. "И что, ты хочешь, чтобы я поверил, что ты сделал это по доброте душевной?" - насмешливо произнес он, не обращая внимания на выражение лица Алистера.

Гарри остановился. Хотя он и сомневался, его отношение рассеялось. "Простите. Я не привык, чтобы мне помогали, вот и все". Он напрягся, словно ожидая удара.

Отмахнувшись от извинений, Алистер ободряюще улыбнулся. "С головой все в порядке?"

На его ладони и раньше было довольно много крови, но, увидев лишь немного на носовом платке, Алистер вздохнул с облегчением.

Когда Гарри кивнул головой, он протянул платок обратно, слегка сжав ткань в кулак. Алистер, не обращая на него внимания, убрал платок обратно в карман рубашки.

Хотя Гарри был настороже, на смену враждебности пришло любопытство. "Ты ведь не местный, верно?" Он неловко потер переносицу, на которой виднелся красный след от неправильно подобранных и разбитых очков.

"Нет, я просто проездом".

Гарри выдохнул. "Странно. Я не знаю, кто вы, и все же вы более реальны, чем люди, которые прожили здесь всю жизнь".

"За доброту не нужно платить. Некоторые выбирают более трудный путь".

Хотя Гарри ничего не ответил, Алистер видел, как он молча обдумывает эти слова.

Взглянув на небо, Гарри помрачнел. "Я лучше пойду домой. Спасибо за помощь, может, еще увидимся".

Прежде чем Алистер успел что-то ответить, Гарри коротко махнул рукой и побежал прочь, не спрашивая своего имени.

Алистер пожалел, что не смог предотвратить то, что, несомненно, произойдет после его возвращения. Однако долго раздумывать над этим не пришлось, и он снова вернулся в зону разума.

Состояние было лучше, чем когда он уходил, воспоминания все еще мелькали, но погода немного успокоилась.

И тут он услышал голос Соломона.

Все, что вы сделали, работает, он становится более стабильным. Полагаю, вы знаете, что он находится в ловушке поворотных воспоминаний?

Да. Я видел два, где ему было примерно пять и десять лет".

Где-то должно быть последнее, более недавнее воспоминание".

Если бы они действовали по той же схеме, то следующее воспоминание было бы всего несколько месяцев назад.

Затем Алистер начал искать местонахождение последнего воспоминания. Он полагал, что с возмещением Соломона это будет проще, но это оказалось не так.

Вдалеке его внимание привлекла рябь на воде. Только приблизившись, он понял, что это еще одно воспоминание: неестественный кратер в растрескавшейся земле напоминал сделанный природой загон.

Решительно коснувшись кончиками пальцев поверхности воспоминания, он снова перенесся туда.

Когда он прибыл на место, сразу стало ясно, что они находятся в хогвартской ванной комнате. Миртл, как он полагал, слышала рассказы о ней во время пребывания здесь и особенно на втором курсе Гарри.

В комнате царила тишина, лишь слышалось неровное, тяжёлое дыхание. Хотя предыдущие взаимосвязанные воспоминания рисовали ужасную картину прошлого Гарри, Алистер был не готов к тому, что предстало перед ним.

Как и в зеркале перед ним, Гарри был разбит, трещины разрывали нити его разума. Его кожа была восково-бледной, он больше походил на куклу, чем на человека, сильно истощённый, а тусклые, остекленевшие глаза смотрели в никуда. Под ними темнели круги, а слабое тело сотрясала крупная дрожь.

Его руки были в крови от сжимания раковины, и жалобный голос сорвался с сухих, потрескавшихся губ. "...Сириус".

Алистер понял. Гарри недавно рассказал ему о крестном отце, хотя и без подробностей его смерти.

Однако он провел свое расследование и был опечален тем, что ему так и не довелось испытать жизнь.

После слов Гарри он прервал эту мысль, затаившись и молча наблюдая за происходящим.

"Почему каждый раз, когда я осмеливаюсь быть счастливым, у меня это отнимают? Ты не сделал ничего плохого, просто хотел свободы, хотел сражаться с нами, и все же..."

Одна рука оторвалась от раковины, чтобы достать палочку. Он отрешённо посмотрел на неё и снова поднял голову, чтобы взглянуть на растрескавшееся отражение перед собой. "Ничего не осталось. Меня сбивают с ног, я пытаюсь подняться, но меня снова сбивают с ног. Чертово пророчество. Я сделаю за Волдеморта его работу".

Он поднёс палочку к виску, издав звук, средний между смехом и рыданием. "Ты урод, Поттер. Просто сделай это. Ты ненавидишь себя настолько, что заклинание не работает. Авада Кедавра, два слова".

Борьба была очевидна, и, хотя сердце Алистера было на грани разрыва, он сохранял спокойствие, двигаясь в пределах видимости, чтобы его можно было увидеть в отражении зеркала.

Гарри мгновенно заметил его и в панике развернулся, направив на него свою палочку и сделав несколько шагов назад. "Откуда ты, черт возьми, взялся?!"

Конечно, этот Гарри не знал его, но видеть страх в его глазах было гораздо больше, чем он мог предположить.

Алистер осторожно поднял руки, показывая, что он безобиден. "Прошу прощения за то, что напугал вас. У меня есть разрешение директора школы на осмотр этих помещений, поскольку я изучаю, как различается образование в разных странах и влияет ли на это окружающая

среда.Я просто проходил мимо и услышал ваш голос".

Не похоже, чтобы он лгал.Гарри не подумал о том, что дверь в ванную комнату можно открыть, а глушащие чары не наложены.Впрочем, сюда никто никогда не заходил, так что он решил, что будет в безопасности.

Он не опустил палочку, продолжая испытывать подозрения."Ну что ж, можешь идти".

Когда Алистер тихонько покачал головой, глаза Гарри потемнели."Зачем? Чтобы ты сбил меня с ног, а потом побежал писать в "Пророк", что их спаситель - бесхребетный трус?Хочешь увидеть, насколько я жалок?"

Он бросился на ближайшую цель, но Алистер позволил ему это сделать.

Отсутствие самообладания только еще больше разозлило Гарри."ОТВЕТЬТЕ МНЕ!"

Зеркала не просто разбились, а взорвались, мелкие хрустальные осколки полетели во все стороны, и Алистер молча поднял щит, чтобы защитить их.

Даже с включенными магическими блоками Алистер мог определить, насколько силен Гарри.Его магия была необузданной и запертой.

Алистер восстановил повреждения и серьезно посмотрел на него."Кто ты такой, меня не волнует.Все, что я вижу, - это еще один человек, нуждающийся в помощи, которую я хотел бы тебе оказать".

Гарри тут же отмахнулся от его слов."Чушь собачья".

Алистер знал, что это может привести к обратному результату, но все же поднял руку, и мягкое золотистое сияние вырвалось из нее и окружило Гарри.

Удивившись, что тот выпустил заклинание, Алистер легко уклонился от него.Колеблясь между гневом и замешательством, он окинул его холодным взглядом.

"Что ты сделал?" Его тело чувствовало себя гораздо лучше. Лучше, чем когда-либо за долгое время.

Алистер редко когда полностью терял бдительность. Чаще всего он был открыт и свободен в выражениях, в том, что показывал своим ученикам и Гарри.

Но даже тогда это напоминало о его натуре, и, подобно Ремусу Люпину, о котором ему рассказала Минерва, существовал шанс, что его будут сторониться из-за его натуры.

Но в тот момент Алистер, как человек, который не знал, кто он такой, отбросил все мысли. Обычно он плыл по течению, беззаботно смеясь и распространяя веселье, где только мог, но здесь требовался иной подход.

"Ты исцелен. Не все здесь для того, чтобы причинять боль. Клянусь своей жизнью и магией, что мои намерения верны. Да будет так".

Прежде чем Гарри успел отреагировать, Алистер произнес клятву с ослепительной вспышкой света, и, когда ничего не произошло, убеждения Гарри изменились.

Он поверил, что этот человек обращался с ним вежливо, чтобы впоследствии оказаться в долгу перед ним. Но никто не мог лгать, используя магию в качестве судьи.

Когда Гарри ничего не сказал в ответ, опустив голову и опустив палочку, Алистер продолжил. "Мир может предложить многое. Он не всегда будет таким".

Он говорил, опираясь на свой опыт, пережив подобное потрясение после смерти родителей. Вампиры умирали редко, по крайней мере по сравнению со смертными. Но то, что это случилось с ними обоими, один за другим, было серьезным ударом.

"Откуда ты, черт возьми, это знаешь? Ты даже не представляешь, какой была моя жизнь. С самого рождения я стал для людей козлом отпущения или спасителем. Я НЕ МОГУ ЭТОГО ДЕЛАТЬ!" - закричал он, раздирая пересохшее горло.

Подняв палочку, чтобы снова направить ее на себя, он произнес, шатко, но убежденно. "Ав..."

Дальше этого он не пошел.Алистер с молниеносной быстротой переместился к Гарри и взял его за руку.От шока его хватка ослабла, палочка грохнулась на пол.

Когда Гарри попытался вырваться и снова потянуться к ней, Алистер слегка прижал его к себе, приложив всю свою нечеловеческую силу.

"Какого черта?Отпусти меня!" - кричал он, яростно сопротивляясь, и в какой-то момент попытался ударить Алистера головой, но промахнулся.

Голос болел, и Алистер отчаянно пытался донести до него правду."Ты очень дорог.Не из-за твоего титула, а для

ты.

Я был не намного старше тебя, когда мои родители умерли, и боль казалась непреодолимой.Но с помощью моего брата мне стало легче.Не проходит и дня, чтобы я не думал о них, но мне легче жить полной жизнью, как они хотели бы".

Гарри слушал, его борьба ослабевала по мере того, как эти слова медленно проникали в его сознание.У него было очень мало людей, но он дорожил теми, кто остался.Сириус не хотел бы, чтобы его жизнь была такой короткой, как и те немногие, кто видел хоть немного его самого.Но это не отменяло внутренней борьбы.

Он больше не боролся с Алистером, потерпев поражение."Все, кто мне дорог, всегда покидают меня, и тогда я снова остаюсь один".

И тут его крики смолкли, о чем свидетельствовала лишь легкая дрожь.Он не ослабил объятий и не произнес ни слова в ответ, но позволил своей магии окутать Гарри теплом и привязанностью, которые тот, пусть и не осознавая, хранил.

В какой-то степени он сдерживался, но тот факт, что незнакомец увидел его в таком состоянии и не стал насмехаться, а попытался помочь, наполнил его тихим неверием, которое разбилось вдребезги, как и прежние зеркала.

С этим осознанием плотину прорвало.

Очаровав комнату так, чтобы она оставалась звуконепроницаемой, он не преминул сделать это, поскольку душераздирающие рыдания, вырывавшиеся из уст Гарри, резким эхом разносились по комнате.

Опустив их в сидячее положение, он понял, что это было то, что ему давно нужно было выпустить.

Сейчас, как никогда, он хотел быть одним из сторонников Гарри, плечом к плечу с ним. Он не стал бы защищать его, поскольку Гарри слишком долго полагался на себя, чтобы смириться с тем, что его укрывают. Но и оставлять его в пыли он не собирался.

Только Гарри мог восстановить его сознание в прежнем виде. Даже с учётом опыта Соломона каждый из них был уникален и не мог быть воссоздан другим в совершенстве.

Хотя его крики затихли, они звучали неуверенно, и, по-прежнему обхватив его одной рукой, другой он наколдовал стакан, наполнив его водой.

Голос Гарри был тихим, но искренним. "Я не буду ничего пробовать".

После того как его отпустили, он принял стакан и осушил его за несколько секунд. Туман беспокойства рассеялся, и к нему вернулась ясность, даже когда он осознал, в какую абсурдную ситуацию попал.

"Спасибо за это. Ты хороший парень".

Это было последнее, что он произнес, - буйство магии успокоило воды, по которым пробежала рябь, а не цунами.

Мгновение спустя окружающее пространство исчезло, сменившись его мысленным взором.

Все в порядке. Ему лучше, чем раньше, но точно мы узнаем об этом только после его пробуждения".

Кивнув, Алистер наконец покинул сознание Гарри, а вместе с ним и более глубокое понимание того, как появился Гарри Поттер.

Ощущения от того, что его голову размотали, как пергамент, были крайне неприятными, но по мере того, как Гарри проваливался в бессознательное состояние, ад, созданный им самим, причинял не меньшую боль.

Сначала он смутно ощущал голоса то тут, то там, но вскоре море воспоминаний с силой захлестнуло его. Они тянули во все стороны сразу, а затем увлекли в тонущую глубину. Сквозь туманную дымку воспоминаний он видел, как разрушаются его мысленные оболочки.

Это было гораздо хуже, чем в прошлый раз, когда ему пришлось столкнуться с одним из своих воспоминаний. Он не смотрел на них, как на киноленту, а заново переживал эти моменты. Он был семилетним ребенком, прижимающим к груди обожженную руку, и двенадцатилетним, которого на ночь оставили на улице в снегу.

Он помнил каждую деталь, вплоть до своих чувств, и отчаянно цеплялся за ниточку себя. Если он не будет постоянно твердить, что его больше нет, крики, которые вот-вот прорвут его горло, раздадутся против его воли.

Он хотел,

ему было необходимо, чтобы

чтобы это закончилось. По правде говоря, он не пытался справиться со многими своими воспоминаниями, многие из которых были подсознательно подавлены.

У него были и хорошие, но худшие из них задерживались, в частности воспоминания, которые свидетельствовали об изменениях в его личности и которые он никогда не забудет, если только не предаст себя забвению.

Находясь в ловушке и будучи связанным своим разумом, Гарри всё ещё чувствовал присутствие других людей, очень знакомых и слабо знакомых. В отличие от Дамблдора, он знал, что они не причинят вреда. Мгновением позже бушующие воды стали спокойнее, и Гарри немного пришел в себя.

Это Соломон. Мы здесь, чтобы помочь устранить причиненный ущерб. Я перестраиваю ваш разум, а Алистер находит воспоминания, которые представляют наибольшую опасность".

Он попытался показать, что понимает, но не смог вымолвить и слова. Вместо этого он решительно кивнул, надеясь, что это дойдет до кого-нибудь из них, и размышляя, можно ли что-нибудь сделать отсюда.

Единственное возможное решение, которое пришло ему в голову, когда он осознал, в каком воспоминании находится, - попытаться спроецировать его вовне. Может быть, это привлечет внимание Алистера.

Воспоминание должно было дойти до Алистера, но в отличие от того, что он знал, события разворачивались по-другому. И хотя результат не изменился, это вселило в него крохотную капельку веры в то, что не все желают ему зла.

Кем бы ни был этот человек, он не мог назвать ни имени, ни лица, хотя все остальное помнил отчетливо. А сейчас иначе и быть не могло. Было ли что-то раньше?

Но даже здесь он не мог себя контролировать. Погрузившись в очередное воспоминание, он попытался высказаться, но не смог - сырое горе и гнев то и дело били по его жилам.

Не так давно он уже испытывал подобные чувства, но, пережив их так скоро снова, он не мог дать никаких указаний со своей стороны, но, по крайней мере, с учетом того, что его области сознания были тщательно перестроены, это облегчало навигацию.

Он отпустил себя, поскольку сопротивление только усугубляло ситуацию. Он не знал, где начало, а где конец, эмоции смешались в единый клубок удушливых узлов, которые медленно начали ослабевать, один за другим, пока не освободились.

Все еще вялый, он мог двигаться, но уже без сил, даже когда вода почти успокоилась. Ему хотелось выбраться наружу, прочь от своих мыслей и просто...

дышать.

Гарри не проснулся. В отличие от хаоса, царившего в его голове, глаза просто открылись и уставились на потолок с замысловатым узором.

Он не узнал его, но общая тема показалась ему знакомой. Он не стал долго раздумывать над этим, поскольку ему стало известно кое-что еще.

Откинув голову на подушки, он посмотрел в сторону и почувствовал на себе чью-то руку. Это объяснило тепло, а когда он поднял глаза еще выше, то увидел спящего Алистера.

Гарри несколько раз сглотнул, но, стараясь не смотреть, не мог отвести взгляд, словно какая-то невидимая сила удерживала его голову.

Невидимой силой была привлекательность Алистера.

На ум невольно приходила сказочная спящая красавица, и, конечно, его красота была иного рода, но в этот момент он упивался чертами его лица.

У него никогда не было возможности внимательно изучить его, его слова, глаза или выражение лица всегда заставляли его врасплох. Но сейчас ему представился такой шанс.

Несмотря на то что он был старше самой Хогвартс, он выглядел скорее как мужчина лет двадцати пяти. Его грудная клетка не вздымалась и не опускалась, но в ней медленно билось сердце. Длинные ресницы отбрасывали тени на щеки, а лепестковые розовые губы были приоткрыты, и на них не было видно ни морщин, ни морщинок.

Но кое-что все же было. Сузив глаза в беспокойстве, он заметил, что глаза Алистера слегка покраснели - слабо, но заметно. Неосознанно он слегка сжал руку Алистера, не желая будить его, так как между ними царил атмосфера умиротворения.

Заметив легкое беспокойство в стороне, Гарри поднял голову и нашел глазами Соломона, который сидел в кресле неподалеку от кровати и внимательно наблюдал за происходящим.

Почему-то до сих пор он не понимал, в каком положении оказался. И хотя это произошло с опозданием, его румянец снова проступил на лице.

Он замолчал, борясь с желанием убежать от смущения. "Простите, я немного забыл обо всем остальном".

Отмахнувшись от его извинений, Соломон встал и подошел к Гарри с другой стороны. "Это понятно. Кроме очевидного, есть какие-нибудь проблемы?"

Хотя у них были очень похожие черты лица, на этом сходство заканчивалось. Пребывание в плену у Дамблдора, несомненно, изменило его, хотя Гарри не мог сравнивать.

Соломон казался серьезным по натуре. Не желая мешать Алистеру, Гарри не убрал руку, но все равно наслаждался ее теплом.

Одного напоминания о прежней боли было достаточно, чтобы в голове у него вспыхнуло и заняло.

Его практически выбили изнутри, и он поморщился при этой мысли. "В голове все еще бардак и боль, но уже не так сильно".

"Хорошо".

Даже произнося это слово, Соломон осторожно протянул руку, чтобы Гарри мог видеть каждое его движение.

Он знал, через какое насилие ему пришлось пройти благодаря сканированию разума Дамблдора, и не хотел причинять ему новые страдания, особенно учитывая, что его брат ранее занял пост сторожевого пса.

Прикоснувшись прохладной рукой ко лбу, Соломон позволил магии свободно течь, успокаивая боль.

Почувствовав, что давление немного ослабло, он сделал небольшой выдох. "Спасибо".

Когда Соломон вежливо кивнул головой, Гарри снова посмотрел на Алистера. "Я думал, вампирам не нужно спать".

"Это правда, что нам это не нужно, но все же это может оказаться полезным. Эти часы важны для того, чтобы позволить дням или месяцам воспоминаний улечься естественным образом, без использования организованной медитации. Это просто облегчает процесс. Он упрям, и я никогда не знал, чтобы он добровольно спал, даже в детстве".

Алистер действительно показался ему упрямым, когда дело касалось конкретных вещей, но при подтверждении этого он улыбнулся.

Несмотря на это, взгляд его оставался затравленным.Сегодняшний день отбросил его на несколько шагов назад, но все могло быть гораздо хуже, если бы не тот случай.

Как раз в тот момент, когда он собирался спросить, когда Алистер проснется, мужчина зашевелился.

Оранжевые глаза встретились с зелеными, и от этого стало еще более неловко.Осторожно высвободив руку Гарри, Алистер быстро сел, нежно погладив его по щеке, когда его беспокойство стало очевидным.

"Тебе больно?" - спросил он немного судорожно.

Когда тепло руки Алистера коснулось его уже разгоряченного лица, Гарри успокоил его."Я больше не испытываю физической боли, Соломон помог мне с этим.Но голова все еще забита".

Эмоциональная боль осталась невысказанной, но оба вампира сразу же уловили ее смысл.

Соломон почувствовал повышение температуры магии Алистера раньше Гарри и, словно его и не было вовсе, проскользнул в сознание брата, чтобы поделиться с ним спокойствием.Обмен между ними длился доли секунды, но этого хватило, чтобы изменить ситуацию.

Увидев, что Гарри чувствует себя настолько хорошо, насколько это вообще возможно в данных обстоятельствах, Алистер убрал руку, но остался на месте, когда Гарри тоже медленно сел.

Он с любопытством оглядел комнату."Я понимаю, что это Комната по Требованию, но чье это требование?"

Он должен был догадаться, что лучше не спрашивать.

"Это моя спальня", - ответил Алистер, не пропуская ни единого звука.

Гарри замешкался с ответом, беззвучно пробормотав,

спальня?

Конечно, это была спальня, это было очевидно, но, услышав это вслух, он словно вбил это в свой затуманенный разум. Это была всего лишь копия, но всё же.

"Почему я всегда попадаю в неловкие ситуации?" простонал Гарри, откидываясь на спинку кровати и проводя ладонью по лицу.

Услышав озорное хихиканье, он осторожно отдернул руки. Гарри попытался подготовиться, но, как обычно, не смог выстроить защиту, встретив дразнящий блеск в его глазах.

"Такое впечатление, что ты ждешь, когда тебя изнасилуют".

Гарри поперхнулся воздухом. "Нет! Да! А-а-а..."

Его мозг не успел ничего понять, кроме смущения от смеха Алистера. От дальнейших мучений его спасло горловое дыхание.

Все еще забавляясь, Алистер обратил внимание на Соломона. "Какой человекоподобный звук".

"Я нахожу его полезным, чтобы заставить замолчать нарушителей спокойствия". Он бросил острый взгляд на Алистера, не желая закатывать глаза от веселой ответной ухмылки.

"Какое воспоминание было у бородатого экскремента?" Соломон спросил Гарри, недовольно сверкнув глазами.

Губы подергивались при этом имени, напоминание о нем вызывало панику. Что, если он потерпел неудачу и Дамблдор увидел всё, а не только то воспоминание, на которое он нацелился?

Он попытался отдышаться от волнения. "Утром Дамблдора здесь не было, но позже он

вернулся. Должно быть, големы исчезли, потому что он искал воспоминания заключенных. Надеюсь, он ничего не нашел, черт возьми", - воскликнул Гарри, пожевав нижнюю губу.

"Если бы он нашёл то, что ему было нужно, ты бы не был так сильно повреждён. Он бы просто ушел, оставшись незамеченным. Я подозреваю, что отчаяние сыграло свою роль в предпринятых действиях".

В спокойных и логичных словах Соломона Гарри уловил его мысль, но беспокойство все равно грызло его. У него не было ни единого шанса против Дамблдора, что, если он снова атакует его разум? Он не сможет пройти по ту сторону, если будет следующий раз, а ему нужно защитить столько воспоминаний.

Соломон пришел к решению. Хотя он и старался быть таким, как Алистер, он не был так открыт в общении с людьми, относился к ним с презрением и знал, что не раз сердце Алистера разбивалось, когда его сторонились за его природу те, кого он преследовал в романтических отношениях.

Но при первом же упоминании о вампирах большинство с криком разбежалось, и все же Гарри с готовностью предложил свою кровь, найдя его, и благодаря этому Соломон стал лучше. Как и Алистер, он мог многому научить тех, кто был готов к этому.

Как младший брат, он был более уверен в себе, но при этом знал, что редко можно встретить человека, столь же искусного в искусстве разума, как он.

"Я буду обучать вас, чтобы вы лучше защищались".

Не только Гарри был удивлен его словами, но и Алистер быстро заговорил с ним.

Вопросительный взгляд.

Вы хотите помочь ему? Я знаю, что вы питаете определенное отвращение к людям".

Отвращение было бы преуменьшением. Однако этот - другой. Я дам ему шанс".

Послав по каналу связи волну благодарности, Алистер почувствовал облегчение.

Он мог бы сам научить Гарри, ведь тот не был дилетантом, но Соломон потратил время на то, чтобы изучить искусство разума вдоль и поперек. В этом он разбирался не хуже Алистера в магии. Несомненно, Соломон знал лучший и более эффективный метод обучения.

"Правда?" После короткого кивка Соломона волнение сменилось беспокойством. "Спасибо!"

Это был огромный груз с его плеч. Любая помощь была оценена по достоинству, и хотя он справлялся сам, этого было недостаточно, чтобы противостоять человеку с таким опытом.

Не успел он произнести и слова, как комнату заполнила ослепительная вспышка света, и, когда она исчезла, Гарри был ошеломлён.

Появился Фоукс, выглядевший хуже некуда, поскольку у него не было сил держаться в воздухе. Слабые толчки сотрясали его хрупкую фигуру. В глазах, в которых всегда была искра разума, отражалась лишь боль, и он издавал тихие звуки страдания.

Гарри немедленно вскочил с кровати и опустился на колени рядом с ним. "Фоукс! Что случилось?"

Гарри не знал, в состоянии ли он общаться, но, не желая оставлять Фоукса на месте, осторожно поднял его на кровать.

Воздух был душным, эмоции Фоукса отражались на самой комнате.

:Альбус забрал слишком много сил. Я слаб. Если я останусь, то умру:

'Ты умрешь? Но ты же бессмертный!

:Я не непобедим. Солнце вредно для вампиров. Темнота вредна для меня:

"Дерьмо дерьмо дерьмо! Чертов Дамблдор, ты засранец!" - прорычал он вслух, задавая

очередной вопрос.

'Мы можем как-то помочь?'

:Да, но я не могу общаться с тем, кого хочу привязать к себе.Его разум закрыт:

Гарри догадывался, с кем, поскольку у Алистера не было причин блокировать Фоукса.

'Ты хочешь соединиться с Соломоном?'

:Да:

Повернувшись к ним, Гарри уже собирался передать информацию, но тут же остановился.

Хотя Соломон лучше всех скрывал свои эмоции, Гарри заметил, что его и без того бледная кожа стала еще блее, и понял, в чем может быть проблема.

Все, что он мог сделать сейчас, - это ждать, зная, что Алистер уже догадался, а пока Гарри провел кончиками пальцев по перьям Фоукса, пытаясь хоть как-то утешить его.

Как только Фоукс появился, Алистер заметил, что Соломон напрягся, лицо его стало напряженным, а руки слегка подрагивали.Любой другой человек, если только он не невероятно наблюдателен, не заметил бы изменений, но для Алистера они были мгновенными.Он молчал, просто ждал.

"Я знаю, что он такая же жертва, как и я.Но его кровь причинила мне самую сильную боль, которую я испытывал до сих пор.Мы противоположны, и я чувствую, что не должен находиться рядом с ним".

Его голос был ровным и лишенным эмоций.Он никогда раньше не слышал, чтобы его брат говорил так, поэтому на мгновение был поражен.

"Он не желает тебе зла.Я знаю, что одних слов недостаточно, поэтому я хочу, чтобы ты кое-что

увидел".

Хотя разговор шел между Гарри и Фоуксом, Алистер догадывался, что именно нужно Фоуксу, так как совпадение по времени не могло быть случайным. Он хотел помочь, чем мог, так как в конечном итоге, по его мнению, это было бы полезно для обоих.

В его серебряных глазах мелькнуло любопытство, и, почувствовав удобный момент, Алистер позволил воспоминаниям о слезах Фоукса по Соломону и его извинениях перед Алистером проецироваться в его сознание. Он мгновенно оттаял, удивленный, но все еще настороженный.

"Я думал, что он возненавидит меня. Я темный по натуре".

Алистер прекрасно понимал это. "Я тоже так считал, пока он не сообщил мне обратное".

Отведя взгляд от Алистера, Соломон посмотрел на Фоукса. Хотя он и ожесточился за годы заключения, сердце его осталось, и, глядя на то, в каком жалком состоянии он находился, Соломон почувствовал приступ ненависти к Дамблдору за этого феникса.

Он не виноват в том, что оказался таким, и верил, что в человеке, с которым он связал свою жизнь, осталось что-то хорошее. Если бы не Фоукс, Гарри не было бы в живых, и шансы на то, что его найдут, уменьшились бы до нуля. Он был благодарен не одному человеку, и воспоминания Алистера помогли сгладить ситуацию.

"Спасибо".

"Конечно! У меня не просто красивое лицо".

На этот раз Соломон действительно закатил глаза, слабая улыбка дернулась в уголках его губ, и Алистер был доволен: он был уверен, что это немного облегчит ситуацию.

Когда тишина заполнила комнату, Гарри увидел удобный момент. Его рука не прекращала нежных ласк, пока он объяснял. "Дамблдор стал Темным, и фениксы могут умереть от слишком сильного разложения так же, как вампиры от солнца".

Алистер и Соломон, казалось, даже не подозревали об этом, и между ними промелькнуло удивление. Вероятно, это не было общеизвестно, но чем больше Гарри думал об этом, тем больше в этом появлялось смысла.

Феникс объединяется только с теми, кто обладает хорошими моральными качествами, и когда-то Дамблдор был на правильном пути. Но за прошедшие годы что-то должно было измениться, и любая связь с ним привела бы к тому, что Фоукс тоже пострадал бы. Доказательства этого находились прямо перед ними.

Спустя мгновение Гарри продолжил, найдя глазами Соломона. "Он хочет поговорить с тобой".

Соломон знал, что это значит. Однако ослабить свою защиту, чтобы допустить кого-либо, кроме Алистера, оказалось непросто.

И хотя Соломону потребовалось мгновение решимости, он позволил своему разуму опустить защиту, хотя его челюсть крепко сжалась от чужого голоса.

:Я использую последние силы для общения. Мое возрождение близко. Альбус изменился с тех пор, как это было в прошлый раз. Мне нужно уйти, пока я не переродился. Я боюсь, что случится, если этого не произойдет:

Фоукс не сказал ничего особенного, но Соломон в конце концов пришел к тому же выводу, что и Алистер с Гарри. Он желал связать себя с ним и был на удивление спокоен, несмотря на невероятную ситуацию.

Соломон задал последний вопрос, не желая, чтобы Фоукс страдал и дальше ради своего любопытства.

"Почему я?"

:Между вами есть связь, которой я не чувствовал уже много лет, более сильная, чем с Альбусом. Вы пострадали от рук человека, но не испытываете к нему всеобщей ненависти. Альбус пострадал от рук вампиров, но желание избавить мир от каждого из них влияло в каждый аспект его жизни. Связь с тобой - это мое искупление. Хотя ты темный по своей природе, это не отражает того выбора, который ты сделал. Ты и твой брат - светлые и не поддались своей природе. Меня и Альбуса связывает нить. Я могу связываться только с одним человеком одновременно, и как только нить твоей магии пересилит Альбуса, она оборвется. Ты

согласен?

Фоукс выложил все, что мог, чтобы объяснить, - усталость была очевидна и видна. У него не было причин отказываться, и, хотя на это потребуется время, возможно, они смогут вместе преодолеть свои страдания от рук одного человека.

Соломон не мог отрицать, что все еще был на взводе, но не из-за Фоукса, а из-за того, как противоречиво может быть то, что дается добровольно и невольно. Однако он хотел попробовать, и не только ради Фоукса, но и ради себя самого.

К тому же он получил небольшое удовлетворение от того, что тот самый вампир, у которого Дамблдор пытался получить информацию, не только сбежал с помощью, но и собирался забрать его Феникса. Ирония ситуации не покидала его.

Искупать вину не за что. Я принимаю".

резко заявил Соломон.

И тут его осенила мысль. Если день сожжения уже близок, то после установления новой связи он, скорее всего, пойдет быстрее. Он передал эту мысль Алистеру, и не успел он договорить, как появился очень знакомый окунь, которого Гарри узнал.

"Ты что, всерьез вызвал жердочку Фоукса из кабинета Дамблдора? спросил Гарри, забавляясь.

Алистер, ничуть не выглядя виноватым, элегантно пожал плечами. "Он принадлежит Фоуксу. Не похоже, что Дамблдору он понадобится, если только он не хочет нам что-то сообщить".

Услышав подтверждение, он разразился хохотом, наполовину всхлипывая, когда пытался говорить. "Что, если он в своём кабинете и

пуф!

Окунь исчез? Мне это нравится".

С теплым смехом наблюдая за забавами Гарри, Алистер взял Фоукса на руки и посадил его на насест.

Алистер вернулся на свое место, пока Гарри сдерживал смех.

Когда все было в порядке, Соломон поступил так, как его попросили, и сам увидел нить. Это была некрепкая связь, которая едва держалась. Соломон был уверен, что только воля Дамблдора поддерживает их связь.

Он позволил своей магии свободно течь, и образовалась еще одна связь, ослепительно белая с серебром, больше похожая на магически созданную веревку, чем на простую нить. Вместе с ней слабая хватка Дамблдора исчезла в небытие.

:Спасибо:

С этими последними словами и вспышкой огня, более яркой, чем Гарри когда-либо помнил, пепел осел в держатель внизу, и из маленькой кучки высунулась голова Фоукса с немигающими чёрными глазами.

"Я чувствую себя... как-то энергично". пробормотал Соломон, заинтригованный. Он нерешительно пошевелил рукой, провел пальцем по макушке Фоукса и, сам того не замечая, улыбнулся, хотя и совсем чуть-чуть.

"Фоукс будет счастливее, когда окажется подальше от Дамблдора", - пробормотал Гарри, обращаясь к Алистеру, который согласился.

"Думаю, для них это будет новый старт. Соломон хорошо о нем позаботится".

Вернувшись к себе, Соломон обратился к Гарри. "Если у вас возникнут еще какие-либо проблемы, сообщите об этом Алистеру, а он сообщит мне. Я свяжусь с вами позже, чтобы мы могли обсудить лучшее время".

Взглянув на насест, он бросил забавный взгляд в сторону Алистера. "Между нами говоря, этот глупец теряет все".

"Это меньшее, чего он заслуживает. Спасибо за помощь".

Поднявшись на ноги, Соломон осторожно положил руку на жердочку. Хотя большинство способов транспортировки не отличались плавностью хода, Алистер и Соломон могли брать с собой других людей и предметы и при этом не испытывать никаких неудобств.

Для Фоукса это выглядело так, словно он никогда не двигался с места, а Соломон хотел, чтобы он уехал из замка в их дом, в безопасность. Со времени визита Гарри защита была обновлена и переделана, она была далека от розыгрышей и древних ловушек. Он бесшумно исчез, а вместе с ним и Фоукс.

Оставшись наедине с Алистером, Гарри усмехнулся. "Так ты заснул?"

"Да", - нахмурился он в задумчивости. "Последний раз я спал в детстве. В мире так много интересного. Но я никогда не наслаждался этим".

Гарри, конечно, мог это понять. Он тоже хотел бы не спать, но, к сожалению, это было для него обязательным условием.

Настроение между ними внезапно изменилось: Гарри посмотрел в серьёзные, но печальные глаза. Гарри был настолько уверен в себе и в своих силах, что не мог вымолвить ни слова, когда видел, как он внутренне борется с чем-то, хотя бы на мгновение.

"Гарри, я должен извиниться перед тобой".

"За что?" В его голосе прозвучала растерянность.

"Тебе было больно. Тебе и сейчас больно, но я чуть не опоздал. Дамблдор - не та сила, к которой можно относиться легкомысленно, и если бы я заметил его раньше, этой ситуации можно было бы избежать. В тот момент, когда я нашел тебя на полу, мое сердце..."

Он опустил голову и положил руку на грудь. "Мне стало больно. Я никогда в жизни не испытывал ничего подобного. Если бы я не знал лучше, я бы заподозрил, что ты мертва".

К его тревоге, Алистер был на грани слез и поспешил успокоить его, мысленно дав себе пощечину, поскольку в спешке споткнулся о слова.

"Что? Нет! Тебе не нужно извиняться. Я не думал, что Дамблдор способен опуститься так низко, поэтому никто из нас не ожидал такого. То, что это случилось, когда тебя не было дома, - просто невезение. Ты проверяла всех и догоняла своего брата, с которым не общалась целую вечность, я все понимаю".

Его глаза были искренними. "Ты помогал мне больше раз, чем я могу сосчитать, включая сегодняшний. Если бы ты не нашел меня и вместе с Соломоном не помог мне избавиться от воспоминаний, мне было бы гораздо хуже. У меня тоже было кровотечение, вы помогли?"

В ответ на слова Гарри Алистер молча кивнул.

"Видишь? Не расстраивайся. Я в порядке!"

Чтобы подчеркнуть это, Гарри улыбнулся самым глупым образом, пытаясь вызвать у него улыбку. Однако все пошло наперекосяк: через несколько секунд он понял, как выглядит, и вместо этого рассмеялся сам.

Хотя это не было его намерением, Алистер все же улыбнулся, и в его глазах появилась обычная веселая искорка. "Глупый Гарри".

Помня о том, что ему только что пришлось пережить, Алистер осторожно подошел к нему. Обхватив его руками, Гарри притянул его к своей груди, и сердце внутри него забилося чуть быстрее.

Почувствовав, что это не только для Гарри, он потянулся вверх, поглаживая ту часть головы Алистера, которая была ему доступна. Чувствуя себя крайне неловко, он продолжил, стараясь изо всех сил. Когда-то настороженно относившийся к ласкам, Гарри полюбил ощущения от объятий Алистера и поклялся, что сможет остаться и никогда не почувствует усталости.

Через мгновение уютная тишина была нарушена. "Ты успокаиваешь меня, но в то же время тебе больнее всего".

Гарри отступил на шаг, и Алистер увидел, что зеленые глаза искренне блестят. "Не думаю, что

кто-то из нас вышел из этого целым и невредимым. Ты поддерживаешь меня, а я просто отвечаю тебе взаимностью. Мы будем поддерживать друг друга, да?"

Алистеру понравилось, как это прозвучало. Это было необычно, поскольку большинство его взаимодействий было односторонним, но нежелательным ни в коем случае. Усмехнувшись, Гарри и не подозревал, как много возможностей он предоставляет, поэтому, притянув к себе, нежно поцеловал его в щеку.

Еще один поцелуй?! Когда-нибудь, клялся Гарри, его сердце сдастся. Последний поцелуй еще не успел покинуть его мысли, не говоря уже о новом.

Он опустил голову, пока Алистер осторожно не поднял его подбородок. "Твои реакции не перестают быть восхитительными. Спасибо за вашу доброту".

"Не за что!" Он ответил, его голос был выше, чем обычно.

Он мысленно пнул себя.

"Говори

говори правильно, черт тебя побери!

Улыбка Алистера не сходила с лица, хотя глаза были серьезными. "Я залечил все, что мог, но могу ли я предложить навестить мадам Помфри?"

"Да, я так и сделаю, я все равно собирался заглянуть к ней".

Насытившись дразнилками, Алистер

мягко отстранился, и они вместе покинули Выручай-комнату.

Когда Гарри направлялся в Больничное крыло, он не мог побороть свою осторожность и паранойю, что Дамблдор где-то рядом. Пытаясь избавиться от этого чувства, он усилил

бдительность, решив выйти из ситуации более сильным.

Наблюдая за тем, как Гарри уходит, Алистеру предстояло выполнить свою собственную работу. Прошли годы с тех пор, как он занимался настоящими розыгрышами, и вот выдался случай, который требовал этого.

Идей было так много, и каждый шаг был обдуман. Дамблдор никогда не узнает, кто именно, и это была одна из многих причин, по которым нежелательно было вызывать редкостный гнев Алистера.

<http://erolate.com/book/4405/158974>